

## Пролог

# АНДЖЕЛИКА

Всякий раз, завидев, как она старательно поправляет перед зеркалом в прихожей эту вышедшую из моды, неприятную, неброскую шляпку с узкими полями, без лент и кружев, зато с невероятно плотной вуалью, полностью скрывавшей лицо, адвокат Антонио Соро не мог удержаться от неодобрительного: «Опять!»

Не в его привычках было контролировать жену или расспрашивать, куда она собралась. Испытывая к ней должное уважение, доверие и почтение, Антонио считал, что она вправе самостоятельно распоряжаться своим временем и кругом знакомств. Равно как и себя считал хозяином собственной жизни. Он понимал, что подобное отношение не слишком распространено среди городских мужей, как не было типичным и поведение ее отца, пожелавшего в свое время дать дочери то же образование, какое получил бы наследник мужского пола.

Но шляпка, ох уж эта шляпка... Антонио не стоило труда догадаться, куда направляется его жена и почему предпочитает оставаться неузнанной.

«Я-то считал тебя здравомыслящей, Анджелика, — всякий раз с ноткой сарказма добавлял адвокат. — Ты такая образованная, такая рассудительная, всегда так скептически относишься к разного рода суевериям — а тратишь время и деньги на сеансы сомнамбулы!»

## Простыни

В том, что здоровье ее с самого рождения оказалось хрупким, ни умысла, ни вины сомнамбулы не было. С раннего детства она страдала от непонятных приступов, причины которых, а тем более лекарства не смог отыскать ни один врач.

Первый из таких приступов случился, когда ей было всего четыре. Она играла во дворе родного дома в Виброне, рисовала мелом на каменных плитах, пока мать с теткой развешивали на веревках белье. Ветер в тот день был сильным, белоснежные простыни раздувались как паруса, и эта колышущаяся белизна вдруг ослепила ее. Запрокинув голову, малышка издала пронзительный крик, потом, тяжело дыша, рухнула навзничь, смертельно бледная: спина выгнута, тело застыло, словно у фарфоровой куклы. Чувств она в тот раз не лишилась и помнила, как бросились к ней мать и тетя, как смачивали водой виски, как звали ее по имени...

— Куда ты смотришь? — спрашивала перепуганная мать, видя, что детские широко распахнутые глаза не моргая вперились в пустоту.

— Что с тобой? Где болит? Отвечай же! Говори! — вторила тетя, тряся ее за плечи.

А она задрожала и произнесла единственное слово: «Боббо».

Потом разрыдалась, обмякла, позволила поднять себя и отнести на кровать, где мигом уснула. Когда через два часа приехал врач, она все еще спала. Никакого жара, кожа прохладная, щеки румяные, дыхание легкое.

Девочку разбудили. Она была безмятежна и ничего не помнила.

«Истерия? — нахмурился врач, выслушав рассказ обеих женщин. — У такой-то малышки? Навряд ли. А вот у матери с теткой — запросто...»

— Может, ее что-то напугало? — поинтересовался он. — Она ничего не говорила?

— Сказала «бо-бо», — ответила мать.

— Да нет же! Она сказала «Боббо», — возразила тетя. Боббо было домашним именем ее мужа Роберто, которое дала ему племянница, когда была еще совсем маленькой и не выговаривала «р».

— Ерунда какая-то! — отмахнулся врач. Но на всякий случай спросил девочку, не больно ли ей. Потом тщательно осмотрел все ее тело, изучил язык, заглянул под веки... и заключил: — Здоровее некуда!

Несколько месяцев у маленькой Офелии Росси (которую тогда звали иначе, но, поскольку настоящего имени мы на протяжении большей части истории не узнаем, то, чтобы не путать читателя, продолжим называть ее так) и впрямь не случалось приступов; она являла собой редкий пример абсолютного здоровья.

Спустя примерно год дядя Боббо оставил жену. Бросил ее в одночасье, без помощи и без гроша, объяснив в короткой записке, что у него связь с другой; признался, что вот уже несколько месяцев тайно с ней встречается, а теперь

наконец решил уйти, после чего исчез без следа. Тетка плакала, отчаивалась, кляла мужа. Однако никто в семье не связал его будущую измену ни с приступом, случившимся год назад, ни с названным именем, которым племянница будто бы привлекала внимание тети к тому, что ее ждет. Никто, выметая двор, не придавал значения тому, что малышка — еще не умея писать — нацарапала на каменной плитке одно слово: «Боббо».

К счастью, тетку приютила сестра, мать Офелии, и с тех пор та жила в семействе Росси, по возможности стараясь быть полезной и участвовать в воспитании девочки.



# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ





## СОМНАМБУЛА

Синьорина Офелия Росси занималась своим ремеслом, или делом, или — как сама она предпочитала это называть, беседа с посторонними, в особенности с клиентками, — исполняла свою *миссию* сомнамбулы в квартире, занимавшей весь пятый этаж скромного здания по виа дель Фьоре Россо, узкому, извилистому проулку в самом центре лабиринта мощеных улочек старого центра Доноры. Это съёмное гнездышко она выбрала вовсе не случайно, поскольку на других этажах того же дома, общим числом шесть, обитало несколько больших семейств, а также располагались мастерские модистки, сапожника и зубодера. На первом этаже, за складом в глубине двора, находилась еще мастерская бедного матрасника, где он не только работал, но и жил вместе с семьей.

Стоило даме, тайком явившейся по этому адресу, скрыться за дверью вестибюля — и уже никто не смог бы сказать, к кому именно она на самом деле направлялась. Клиентками сомнамбулы, разумеется, были исключительно *синьоры*, принадлежавшие к прекрасной половине зажиточной городской буржуазии: обитательницам трущоб, женам нищих крестьян, даже супругам скромных служащих или торговцев запрашиваемая плата в пять лир за сеанс была не по карману. В те годы в Доноре пять лир представлялись

суммой весьма значительной; в парфюмерной лавке синьора Фердинандо Марджелли на них можно было купить целых пять коробочек «Бриллиантины», чудодейственного средства, которое — как гласила реклама на последней странице местного «Вестника» — *не только превосходно отбеливает зубы, но и укрепляет десны, а дыханию, на зависть всем, придает приятный аромат*. Флакон «восточного» одеколона, каким пользовался его высочество правящий герцог Саксен-Мейнингенский, стоил в той же парфюмерной лавке от 1,25 до 4 лир, в зависимости от объема.

Эту информацию также можно было найти на странице «Вестника», посвященной рекламе, как, впрочем, и объявление самой синьорины Росси. Учитывая немалые расходы — *три публикации по 25 слов — ОДНА ЛИРА. Каждое следующее слово — пять центезимо*, во внимание также необходимо было принять размер букв и занимаемое на странице место, — она долго размышляла, что именно написать, и в итоге остановилась на такой формулировке, заключенной в квадратную черную рамку:

|                                                                                                       |                                      |               |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------|---------------|
| <b>МАГНЕТИЗМ</b>                                                                                      |                                      |               |
| <b>ДОНОРА</b>                                                                                         | Виа дель Фьоре Россо<br>№7, 5-й этаж | <b>ДОНОРА</b> |
| Знаменитая сомнамбула                                                                                 |                                      |               |
| <b>ОФЕЛИЯ РОССИ</b>                                                                                   |                                      |               |
| даст ответы на любые вопросы лично<br>и в переписке.                                                  |                                      |               |
| Ежедневно, кроме выходных,<br>с 2 до 7 пополудни.                                                     |                                      |               |
| Для консультации по переписке<br>высылайте 5 лир почтой в конверте<br>с подробно изложенным вопросом. |                                      |               |

Объявление обходилось в две лиры пятьдесят центезимо еженедельно, что сомнамбула, впрочем, считала удачной инвестицией. Помимо удовлетворения от того, что ее имя было выставлено на столь широкое обозрение, привлекая тем самым внимание потенциальных клиенток, газетная страница из воскресенья в воскресенье подсказывала ей, какие места — скажем, «Кафе дель Корсо», всегда полное ценителей *тонких вин, нежнейшего мороженого, лучшего кофе и изысканнейшей бомбы\**, «Кафе Рома» на площади Анджои, где подавали газированный лимонад, или аптеку Галотти — следует посетить, чтобы собрать информацию, которая так пригодится в ходе бесед с клиентками. Помимо «Вестника», синьорина Росси покупала и читала другие газеты — как местные, так и центральные. Эта не свойственная женщинам привычка, еще в детстве перенятая у отца, теперь оказывалась для нее весьма полезной. Однако об этом сомнамбула предпочитала не распространяться. Клиентки должны были верить, что новости доходят до нее лишь благодаря магнетизму, так что газеты не лежали где попало по дому, а скрывались — вместе с роскошной «Энциклопедией», приобретенной ценою немалых жертв, — в недрах гардероба в спальне.

Как нетрудно заметить, свою *миссию* сомнамбулы синьорина Росси исполняла только во второй половине дня. Утренние часы она проводила дома за чтением хроники, сплетен и «Писем редактору» в свежих газетах,

---

\* Бомба — многослойный десерт из мороженого и взбитых сливок в шоколаде, по форме напоминающий пушечное ядро. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

а в половине одиннадцатого, под предлогом каких-либо покупок и потребности в некоторой физической нагрузке, выходила пройтись, на самом же деле собирая слухи и сведения, абсолютно бесценные для той, кому предстоит, прозревая прошлое и будущее, давать клиенткам советы. Она была обходительна, любезна, умела каждый божий день придумать какую-нибудь невинную причину остановиться поболтать у привратничкой, в аптеке, в салоне телеграфа, на аллее городского парка, где прогуливаются няни самых заметных семейств города, или у рыночного прилавка, да так, чтобы никто не счел ее назойливой или, того хуже, сплетницей.

О ее личной жизни почти ничего не знали: была она вдовой или девицей, имела небольшую ренту или жила лишь на то, что приносили посещения клиенток? Об-разом жизни синьорина Росси не слишком отличалась от других представителей городского среднего сословия — ни излишеств, ни роскоши, однако же и без долгов или особых лишений. Эта миловидная шатенка лет тридцати одевалась со вкусом, не выходила из дома с непокрытой головой или без перчаток, а для дальних поездок, пускай и редких, нисколько не заботясь об экономии, брала из-возчика. Клиенток она принимала в изящно обставлен-ной гостиной, да и прочие комнаты, насколько можно было разглядеть, всегда содержались в чистоте и порядке усилиями прислуги средних лет, которая, будучи женой матрасника, мастера Прото Фигу, весьма кстати жила на первом этаже.

Едва приехав в Донору, сомнамбула принялась искать домоправительницу. Непременным условием, даже более

важным, чем способность управляться с делами и чистоплотность, она поставила умение хранить секреты. Мастер Прото с женой, как и их двое детей-подростков, были неграмотными и совершенно не интересовались господской жизнью, словно принадлежали к иному биологическому виду. По-итальянски они понимали и могли, пускай и с некоторым трудом, объясниться, но между собой говорили исключительно на диалекте. Парнишка помогал отцу, дочь была ученицей приходящей швеи.

Жена, Грека Фигу, несколько не возражавшая против именованья *служанкой*, была весьма сметлива и не только помогала хозяйке с уборкой и готовкой, но и выручала в любой мелкой надобности.

Впрочем, ночевать в квартире она не оставалась, а, приготовив ужин, спускалась на первый этаж, на свой склад, а ее место на пятом этаже занимал тринадцатилетний сын Джоммария, за небольшую плату дремавший на сундуке в коридоре, у самой двери, чтобы синьорина Росси не оставалась до рассвета одна.

Сам мастер Прото в свободное время тоже готов был прийти на помощь, что-нибудь починить или перевезти — с неизменным уважением и без малейшего намека на панибратство. Как же повезло с ними Офелии! Впрочем, она весьма тщательно следила за тем, чтобы Фигу ни на миг не пересекались с посетительницами ее сеансов. Более того, пребывая в полной уверенности, что значение слова «сомнамбула» членам семьи неизвестно, даже не потрудилась объяснить, в чем, собственно, состоит ее ремесло (или *миссия*): разумеется, исключительно ради конфиденциальности клиентов. И особенно — собственной.

С раннего детства Офелия Росси мечтала путешествовать по миру, однако в последние годы вынуждена была вести жизнь более спокойную и стабильную, более подходящую жене или матери какого-нибудь мелкобуржуазного семейства. Почти семь лет ей пришлось скитаться по Италии, менять имя и место жительства всякий раз, когда сгущались тучи, выправляя поддельные документы и принимая новую личность. В Донору она приехала прошлой зимой, из какого города или деревни — никто не знал; сама же сомнамбула хранила это в строжайшей тайне, хотя наиболее болтливые горожане, разумеется, не скупились на гипотезы и сплетни.

Что касается нового местопребывания, то наш городок Офелия Росси выбрала вовсе не случайно. Она была женщиной предусмотрительной и задолго до того, как возникала нужда в очередном спешном переезде, начинала собирать информацию, изучая особенности всевозможных итальянских городков. К достоинствам Доноры следовало отнести то, что она находилась неблизко от моря, была не слишком большой, достаточно удаленной от других крупных городов и в то же время могла похвастать весьма деятельными предпринимателями: только за последнее время здесь открылись макаронные, мебельные и кожаные фабрики, спичечные и мыловаренные производства, предприятия по обработке пробки и стекла... В городе располагались суд присяжных и университет, пусть и небольшой, однако сумевший после объединения Италии избежать закрытия или перевода в столицу региона и пользующийся определенной известностью по всей стране, особенно своими естественно-научными

факультетами. Здесь с давних пор существовал скромный, но весьма изысканный театр; недавно открылся и второй, покрупнее, названный «Политеама»\*, где ставили и оперу, и драму, а на карнавал устраивали невероятно популярные балы-маскарады. Местный средний класс слыл образованным, но не чурался развлечений и, несмотря на множество церквей и великолепный барочный собор, не отличался особым ханжеством. Что касается торговли, то ей благоприятствовала железная дорога, соединявшая город с портом Понтерра. Нетрудно было предположить, что и сомнамбула найдет здесь местечко, чтобы открыто и честно заниматься своим ремеслом, или, точнее, исполнять свою *миссию*, оказывая помощь городским дамам, нуждающимся в просвещении и совете.

Но если новое место жительства Офелия Росси могла избрать из множества возможных вариантов, то с родом занятий выбор был невелик. Ничего другого она не умела.

Выросшая в мелкобуржуазной семье в Северной Италии, она получила образование исключительно в расчете на замужество и ни к какому практическому занятию, которое обеспечило бы ей верный кусок хлеба, способна не была. К тому же синьорина Росси считала себя женщиной честной и никогда, ни за что не опустилась бы до недостойного ремесла.

По правде говоря, мужчины и близость с ними вообще внушали ей ужас, главным образом после пережитого позора.

---

\* «Политеама» (с греч. «для множества зрелищ») — название нескольких реально существующих театров (например, в Палермо и Генуе).

Ведь Офелии Росси в самом деле не повезло: в юности она выскочила замуж не за того человека, а прежде — родилась с хрупким здоровьем и с самого раннего детства страдала теми непонятными приступами, причины которых, а тем более лекарства не смог отыскать ни один врач.



## ПОЕЗД

В годы, непосредственно примыкающие к эпизоду с простынями, маленькая Офелия, которая волею родителей так и осталась единственным ребенком, могла похвастать отменным здоровьем, не дававшим поводов для беспокойства. Она ходила в школу, училась читать и писать, получая такое же образование, как и все девочки среднего класса. Отец ее служил в мэрии, мать принесла в качестве приданого их нынешний дом с небольшим участком, отведенным под сад и огород. Предполагалось, что дочь ограничится пятью классами начальной школы; но она увлеклась чтением, а книг в доме почти не водилось. Впрочем, отец покупал ежедневную газету и выписывал пару журналов, которые прочитывал от корки до корки. А когда заканчивал, ими завладевала девочка. Она с огромным интересом перелистывала страницы, жадно поглощая материалы светской хроники — как местные, так и полученные из дальних стран. Но с любопытством следила и за новостями о последних научных открытиях; недавних опытах с магнетизмом; о странных обычаях экзотических народов, особенно североамериканских индейцев, которые так яростно и храбро защищали свои земли от белых завоевателей; о сухопутных и морских исследовательских путешествиях.

Обширность и разнообразие мира завораживали малышку, а главной ее мечтой — очевидно, неосуществимой — было, став взрослой, отправиться путешествовать.

Правда, до сих пор она удалялась от дома крайне редко, лишь во время коротких поездок в коляске к родственникам или на загородную виллу, куда семейство приглашала синьора Элена.

Синьора Элена, жена начальника синьора Росси, командора Джилетти, дама весьма состоятельная и элегантная, была владелицей обширного поместья неподалеку от города, куда всегда выезжала на лето. Несколькими годами ранее часть земель реквизировали под строительство железнодорожной ветки, соединившей Виброну и Сан-Ренато. Справившись с досадой от того, что ее поместье оказалось разрезанным надвое, синьора Элена велела выстроить бельведер — высокую террасу, обнесенную балюстрадой с изящными каменными балясинами, — который обставила скамьями того же камня и небольшим мраморным столиком, куда знакомым, приглашенным полюбоваться зрелищем проходящего поезда, можно было подать кофе и печенье. Поезд проходил трижды в день: рано утром, сразу после полудня и в семь вечера. В ясную погоду это было самое подходящее время, чтобы собраться на бельведере, долго вслушиваться в нарастающий шум, потом перегнуться через парапет и, заведя вдаль окутанное дымом, растущее на глазах чудовище, приготовить платочки, чтобы в знак приветствия помахать ими пассажирам.

Слыша подобные рассказы, маленькая Офелия страстно желала собственными глазами увидеть прохождение поезда.

В одном журнале она прочла, что в Англии железнодорожная сеть покрывает почти всю территорию острова и что для жителей этой страны передвижение на поезде — совершенно обычное дело. Однако в Виброне поезд по-прежнему оставался явлением новым, а для многих — и весьма тревожным. Муж синьоры Элены любил декламировать строки, написанные несколькими годами ранее Кардуччи\*, — «Гимн Сатане», в котором поэт отождествлял паровоз с самим дьяволом.

Наконец 18 августа, на именины синьоры Элены, семья будущей сомнамбулы вместе с родственниками других подчиненных командора была приглашена выпить по чашечке кофе на бельведере. По такому случаю все надели самые роскошные летние наряды; платье дочери Росси было из розовой тафты с рюшами. Не самый удачный выбор, поскольку тафту практически невозможно отстирать или даже просто вывести с нее пятна, и платье наутро пришлось выбросить.

Поездка в коляске от города до поместья заняла немногим более получаса, хозяин ожидал их у ворот. Добравшись до бельведера пешком, они поднялись по недлинной лестнице. Синьора Элена, как обычно, приняла их с величайшей сердечностью; все расселись вокруг столика, где уже исходил паром кофейник. Маленькой Офелии предложили бокал гранатины\*\*. Едва взрослые успели отставить опустевшие чашечки, как послышался шум приближающегося поезда. А через минуту-другую, громяхая и изрыгая дым, показался он сам.

---

\* Джозуэ Кардуччи (1835–1907) — итальянский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе.

\*\* Гранатина — лимонад на основе гранатового сиропа.

Пока состав шел мимо, командор Джилетти обернулся к гостям и, театрально взмахнув рукой, продекламировал:

*Жутким и прекрасным  
Он промчится монстром  
В водах океана,  
По земле под солнцем,*

*Пламенный и дымный,  
Как вулкана жерло,  
Покоряет горы,  
Проникает в недра,*

*Пролетит над бездной,  
А потом вдруг сгинет:  
Тайною пещерой  
По путям глубинным*

*Выскочит, беснуясь;  
С берега на берег  
Вихрем пронесется,  
Воплем версты меря.*

*А вослед покатит  
Ропота волна:  
Он явился, люди,  
Славься, Сатана!*

На последних словах Офелия, которую, чтобы ей было лучше видно, поставили на каменную скамью, вдруг закатила глаза, издала протяжный стон и, медленно

обмякнув, рухнула наземь прежде, чем отец успел ее подхватить. Хлынувшая из носа кровь смешалась с землей, пачкая розовую тафту. Взрослые немедленно бросились ей на помощь, подняли, уложили на скамью, сунув под голову подушку, но Офелия еще добрых полчаса не приходила в сознание. А когда наконец открыла глаза, то словно бы не видела людей, столпившихся вокруг. На ее лице застыл ужас, как будто девочка в самом деле повстречала Сатану.

— Пламя взметнулось на двадцать метров, — произнесла она глухим голосом, указывая пальцем куда-то вдаль. — Тридцать три человека погибли. Сгорели. Опознать их не удастся. Часы, золотые часы! Они остались целы и по-прежнему показывают двенадцать часов пятьдесят две минуты и двадцать три секунды.

«Бредит», — подумал отец, не особенно задумываясь над странностью этих слов.

Синьора Елена тем временем послала за кувшином холодной воды и побрызгала девочке в лицо. Та вздрогнула и села, удивленно озираясь: пелена с ее глаз спала.

— Что случилось? — спросила она.

Вечер закончился, гости поспешно разъезжались, не зная, что и думать. Родители Офелии, сгорая от стыда, принесли извинения.

— Надо же, никогда раньше с ней такого не было, — бормотала мать, совершенно забыв о давнем случае с развешенными простынями.

— Похоже на приступ падучей. Покажите ее хорошему врачу, специалисту, — посоветовал командор Джилетти и добродушно велел отцу, который как-никак был его

подчиненным: — Возьмите-ка неделю отпуска; я понимаю, насколько вы обеспокоены.

Несколько дней спустя Офелию подвергли весьма тщательному осмотру, который обошелся ее отцу в четверть месячного жалования. Однако профессор, величайшее местное светило, пользовавшийся больных эпилепсией из самых знатных семей, категорически исключил, что девочка страдает этой болезнью.

— Обычный обморок. Она ведь впервые увидела поезд? — поинтересовался он. — Должно быть, испугалась. Дети ее возраста, особенно девочки, очень впечатлительны. И не давайте ей больше читать приключенческие романы: похоже, она их слишком любит.

Заключение профессора стало для родителей огромным облегчением. Платице из тафты, с которого так и не удалось вывести пятна, уже оказалось в выгребной яме. Два-три романа, обнаруженные в доме, тем же вечером отправились следом.

Однако на завтра отец, листая газету в траттории напротив конторы, где имел привычку обедать с коллегами, случайно бросил взгляд на предпоследнюю страницу, где печатали зарубежные новости. В статье говорилось:

### **АБЕРГЕЛЕ—АНГЛИЯ САМАЯ СМЕРТОНОСНАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КАТАСТРОФА В ИСТОРИИ**

20 августа пассажирский поезд, шедший из Лондона в Уэльс, на полном ходу врезался в товарный состав, из-за ошибки маневрирования оказавшийся

на том же пути. К несчастью, в одном из товарных вагонов находилось парафиновое масло, которое от удара взорвалось. Возгорание перекинулось и на первые вагоны пассажирского поезда. Один из свидетелей заявил, что пламя взметнулось на двадцать метров. Тридцать три пассажира не имели шансов спастись, а их обугленные тела так и не смогли опознать. В огне чудом уцелели лишь золотые часы, стрелки которых остановились на 12 часах 52 минутах 23 секундах.

Отец Офелии поперхнулся супом. Он прекрасно помнил слова, произнесенные дочерью сразу после того странного обморока: пламя, количество погибших, часы. Неужели Офелия тайком, никому не сказавшись, прочла об этом в какой-то другой газете? Но нет, невозможно! Восемнадцатого августа, когда девочка упала в обморок, английские поезда еще не столкнулись, это случилось лишь двумя днями позже. Он еще раз проверил дату: да, трагедия произошла двадцатого, к тому же новость из-за границы никак не могли доставить так быстро.

Может, стоит расспросить дочь, поинтересоваться, как ей пришли в голову те слова, не читала ли где о подобной трагедии? Однако в газете писали, что до сегодняшнего дня ничего подобного не случалось. И потом, точное число погибших, упоминание часов... Было в этом... как бы точнее выразиться — предчувствии? пророчестве? — нечто тревожное.

С Офелией он в конечном счете решил не говорить, а вот с женой не поделиться не мог. Они долго спорили, но разгадку так и не отыскиали. Тут-то матери и вспомнился, правда

весьма смутно, давний эпизод с простынями. Тогда врач наотрез отказался считать обморок девочки следствием физического недомогания. А некоторое время спустя дядя, чье имя произнесла малышка, опозорил семью. «Надо бы сводить ее в церковь, — робко предложила мать, памятуя о том, что муж далек от религии. И, заметив, как он хмурит брови, поспешно добавила: — Пускай благословят», — хотя на самом деле скорее думала об экзорцисте.

На дочь она теперь смотрела с опаской, подмечая каждый необычный жест, каждое слово, каждый вздох. Однако Офелия не слишком отличалась от сверстниц, ничего странного в ее поведении не было, и со временем мать волей-неволей ослабила бдительность.



## ГОДЫ ОЖИДАНИЯ

Сдав экзамены и получив аттестат об окончании начальной школы, девочка целыми днями томилаcь дома. Она не понимала, почему у нее отобрали романы. Ежедневных газет и ежемесячных журналов явно не хватало, и, за неимением лучшего, она принялась читать и перечитывать все страницы подряд, не пропуская ни одной запятой: раздел экономики, деловые новости, рекламные объявления... Эта привычка, как мы уже заметили, впоследствии оказалась весьма полезна. К счастью, в доме было пианино, и наставница успела разучить с ней несколько простеньких пьес: танцевальные мелодии, оперные арии, романсы. В тех редких случаях, когда семья приглашала знакомых скоротать вечер за кофе, печеньем, сладкими наливками и парой минут музыки, выступления Офелии пользовались успехом. У матери она научилась вести хозяйство, штопать простыни, отцовские рубашки и прочее носильное белье, но тяжелой работы чуралась, поскольку Росси держали прислугу. А вместе с теткой, так и оставшейся жить с ними, Офелия развлечения ради занималась садом.

В будущем девочку ожидал лишь брак с молодым человеком равного положения — государственным служащим вроде ее отца, владельцем магазина, модным портным или

кем-то еще, принадлежавшим, как и она сама, к среднему классу: небогатым землевладельцем или промышленником, но и не рабочим или простолюдином. Со временем Офелия вытянулась, изящные черты лица дополняли роскошные темные волосы, в глазах поблескивали лукавые искорки. На здоровье она в целом не жаловалась. Уход за садом, связанный с пребыванием на свежем воздухе и требовавший некоторой подвижности, избавил ее от типичных недугов сверстниц, редко выходивших из дома: крайней бледности, вялости, частых обмороков. В двенадцать лет она прошла конфирмацию и с тех пор вместе с матерью и теткой ходила по воскресеньям и праздникам в церковь, отчитывала новенны\*, но больше по привычке, не слишком стараясь вникнуть в основы религии.

Так минуло несколько лет. Близился восемнадцатый день рождения Офелии, и мать с теткой уже начали приглядывать ей подходящую партию. Они подумывали, не обратиться ли к свахе, как это было принято у деревенской родни, однако отец о подобной косности и слышать не хотел. Напротив, считал он, девушке не следовало сидеть дома: нужно больше гулять, ходить в гости, посещать балы-маскарады в фойе театра и воскресные концерты в городском парке — разумеется, в сопровождении кого-либо из родственников.

Приходящей швее заказали элегантные, хотя и очень простые платья, по одному на сезон. Летнее было из розовой тафты с муаровым бантом на талии, очень похожее

---

\* Новенна — в католичестве девятидневный цикл установленных молитв.

на то, что Офелия носила в детстве. Впрочем, родня успела забыть о вечере на бельведере синьоры Элены и о происшествии, которое его испортило.

Офелия в сопровождении матери и тетки стала часто выходить из дома. На официальных мероприятиях к ним присоединялся и отец. Вращаться в обществе, заводить знакомства, делиться со сверстницами невинными секретами, быть предметом восхищения молодых людей ей очень нравилось. Вскоре за привлекательной девушкой начали ухаживать. Правда, ни один из претендентов не нравился родителям настолько, чтобы его поощрять, да и сама Офелия никому не выказывала явного предпочтения.

## НЕБЕЗОПАСНОЕ ИМЯ

Однажды вечером в фойе театра Масканьи, в антракте между двумя актами оперы, Офелия и ее родные повстречали давно не виденную приятельницу. Она звалась Мария Лонджаве и была в компании молодой женщины, со всей очевидностью беременной, которую представила как свою невестку Фанни.

— Когда ожидаете малыша? — спросила мать Офелии, покончив с подобающими любезностями.

— Месяца через три, — ответила будущая бабушка. — Если будет девочка, назовем Марией, как меня.

Лучезарно улыбнувшись — детей она любила, — Офелия нежно тронула живот будущей матери... и тотчас же почувствовала головокружение. Она зажмурилась, пошатнулась и непременно упала бы, когда бы отец не подхватил ее под локоть и не помог сесть.

— Все от ужина отказывалась: мол, поясок затяну потуже, — вскинулась мать. — Видишь теперь, какие дурные шутки играет с человеком голод?

Из буфета принесли стакан воды и эклер с заварным кремом, заставив девушку поесть и попить.

— Вот моей невестке, в ее-то положении, сам Бог велел падать в обморок, — в шутку заметила синьора Лонджаве. — Но у Фанни железное здоровье.

— Не делайте этого! — утерев губы платком, взмолилась Офелия.

— Чего? — удивилась та.

— Не называйте ее Марией! Если в Виброне одновременно будет две Марии Лонджаве, старшая из них умрет!

— Какая глупость! — вмешалась мать. — Первую внучку испокон веков называли в честь бабушки по отцовской линии, и ничего дурного никогда не случилось!

— Не делайте этого, — повторила Офелия. Смежив веки, она мельком увидела колыбель, стоящую на краю могилы, хотя упоминать об этом не стала. Впрочем, обе Лонджаве были в достаточной степени суеверны, чтобы прислушаться к ее словам.

— Зачем рисковать? — перепугалась синьора Лонджаве. — Назовем Имельдой, в честь другой бабушки, твоей матери, — сказала она довольной невестке, которая в глубине души, невзирая на все традиции, только этого и желала.

— Больше так не делай! Незачем пугать людей! Тебя слышал весь театр! Теперь станут говорить, что ты суешь нос не в свое дело, — укоризненным тоном заявила мать Офелии, когда они вернулись домой. — А этот муаровый пояс все-таки туговат...

И она достала из шкатулки иголку, нитку и ножницы, чтобы его расставить.

## ТРИ МАРИИ

Прошло три недели. Беременность юной синьоры Лонджаве протекала благополучно. До такой степени, что воскресным утром, когда муж ее казался слегка нездоровым, она сама взяла извозчика, чтобы, как обычно, отправиться обедать к матери, жившей на окраине. А заодно рассказать о новом имени для возможной внучки, будучи в полной уверенности, что мать обрадуется такому решению.

Они были уже на полпути, когда две бродячие собаки, с громким лаем гонявшиеся друг за другом, бросились лошади под копыта, и та понесла. Пролетка дернулась, накренилась, вскрикнувшую пассажирку швырнуло на сиденье. Извозчик выровнял едва не опрокинувшийся экипаж, успокоил лошадь и поспешил на помощь молодой женщине, которая стонала, скорчившись от боли. У нее отошли воды, начались родовые схватки.

Тем временем к пролетке сбежались люди. Фанни Лонджаве на руках перенесли в ближайший дом, принадлежавший незнакомой ей семье. В толпе случайно оказалась и повитуха, немедленно предложившая свою помощь, а хозяйка дома великодушно уступила роженице свою кровать.

— Нужно известить мужа, родню, — беспокоилась она.

Однако Фанни становилось все хуже: от боли она не могла даже назвать свое имя или адрес. Роды выдались такими долгими и мучительными, что, разрешившись крошечным синюшным существом, молодая мать потеряла сознание.

— Девочка! — объявила повитуха, перерезав пуповину.

— Живая? Здоровая? — спросила хозяйка дома, которая, будучи матерью троих детей, со знанием дела пришла ей на помощь.

— Покуда жива, да только сильно недоношенная, — ответила повитуха, заворачивая новорожденную в полотенце; несмотря на похлопывания по спине, та до сих пор не пискнула. — Даже и не знаю, сколько протянет.

— Значит, надо ее окрестить, и немедленно, — решила хозяйка дома: она была женщиной крайне набожной и опасалась, как бы бедняжка не попала в лимб\*.

Но какое же имя ей дать? Роженица по-прежнему пребывала без сознания и ответить на этот вопрос не могла. А медлить было нельзя.

— Как вас зовут? — поинтересовалась хозяйка у повитухи.

— Мария Трани, — ответила та.

— Малышка жива только благодаря вам. Назовем ее Марией, а сами вы станете ей крестной.

И вот, поскольку крещение — одно из тех таинств, которое в случае смертельной опасности может совершить кто

---

\* Лимб — в средневековой традиции место между раем, адом и чистилищем, куда попадают души некрещеных младенцев.

угодно, синьора, окропив темечко новорожденной водой из бутылочки, доставленной ей из Лурда, произнесла:

— Крещу тебя, Мария, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

— Аминь! — откликнулась крестная, еще легонько похлопав новорожденную по спинке, от чего та наконец захныкала. — Нужно устроить ее в тепле.

Повитухе не впервой было принимать семимесячных. Синьора принесла картонную коробку, в которой раньше хранила мужнины ботинки, ее набили ватой и уложили маленькую Марию. А после занялись матерью, которая понемногу приходила в себя после обморока.

Тем временем на противоположном конце города пышущая здоровьем и энергией синьора Мария Лонджаве, даже не подозревая о случившемся, помогала служанке убрать со стола после воскресного обеда; ее муж и сыновья уже перешли в гостиную, чтобы спокойно покурить, развалившись в креслах. Внезапно синьора уронила фарфоровую вазочку с фруктами, которая разбилась вдребезги, и, прижав руки к груди, закричала от боли. Потом она рухнула, увлекая за собой скатерть и прочую посуду. На шум прибежал муж, но они со служанкой успели лишь перенести супругу на кровать. Пять минут спустя несчастная была мертва.

— Должно быть, инфаркт, — постановил врач, вызванный подписать свидетельство о смерти. — Вот уж не подозревал, что у синьоры большое сердце. Впрочем, отсутствие симптомов еще не означает, что все в порядке. Определенные расстройства могут возникать и без видимых проявлений.